

УДК 821.161.1.09

Г. А. Гасанова

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ОЦЕНКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Г. А. ГАСАНОВА. РОСІЙСЬКІ ПИСЬМЕННИКИ В ОЦІНЦІ Л. М. ТОЛСТОГО.

Великий письменник Толстой пробував себе і на ниві літературної критики. Особливе місце в його критичній спадщині займають статті і виступи, що містять оцінку творчості великих російських письменників. Проблема взаємовідносин Толстого з представниками російської літератури, а саме з Тютчевим і Чеховим, оцінка їх художньої творчості і є предметом даної наукової статті.

Ця тема представляє інтерес в плані розуміння творчої особистості Л. М. Толстого, його таланту не тільки як письменника, а й чуйного критика.

Ключові слова: естетичні погляди; судження про письменників; відгуки на твори; моральні ідеали; підхід до оцінки.

Г. А. ГАСАНОВА. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ОЦЕНКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Великий писатель Толстой пробовал себя и на поприще литературной критики. Особое место в его критическом наследии занимают статьи и выступления, содержащие оценку творчества великих русских писателей. Проблема взаимоотношений Толстого с представителями русской литературы, а именно с Тютчевым и Чеховым, оценка их художественного творчества и является предметом данной научной статьи.

Эта тема представляет интерес в плане понимания творческой личности Л. Н. Толстого, его таланта не только как писателя, но и чуткого критика.

Ключевые слова: эстетические воззрения; суждения о писателях; отклики на произведения; нравственные идеалы; подход к оценке.

G. A. GASANOVA. THE RUSSIAN WRITERS IN THE ASSESSMENT OF L. N. TOLSTOY.

The great writer Tolstoy tried itself and in a field of literary criticism. Special seat in its critical heritage articles and borrow the performances containing an assessment of work of great Russian writers. The problem of relationships Thick with representatives of the Russian literature, namely with Tyutchev and Chekhov, an assessment of their art work also is subject matter of the given research paper.

This subject matter is of interest by way of understanding creative person L. N. Tolstoy, its talent not only as writer, but also the sensitive critic.

Key words: aesthetic views; the writers thought; the prize works; moral ideals; contemporary approaches in evaluation.

Великий писатель Толстой был и беспристрастным критиком. Широтой своего взгляда он охватил как русскую, так и мировую литературу. Многочисленные высказывания, заключенные в статьях, отдельных записях, письмах и воспоминаниях – свидетельство того, какое значительное место занимало в его сознании и духовном мироощущении художественное слово.

Главным критерием оценки для писателя служило нравственное начало. Именно оно стало тем мериллом, которое определяло его отношение к творчеству как предшественников, так и современников.

Среди старших современников Толстого были Тургенев и Тютчев.

Но если к Тургеневу он относился как к старшему «собрату по перу», то Ф. И. Тютчев был для него мудрым старцем.

© Г.А. Гасанова, 2017

<http://doi.org/10.5281/zenodo.571033>

Известный писатель-драматург Эльчин Эфендиев в одном из набросков «Толстой рисует свой портрет» приводит отрывок из письма Толстого Фету, где он описывает своё впечатление от встречи с Тютчевым: «В Черни повстречался с Тютчевым и четыре станции говорил с ним, слушал его и сейчас поминутно вспоминаю этого величественного, простого и обладающего истинно глубоким умом старца». Читая это место в письме, я подумал, что на самом деле Толстой описывал себя, каким он стал 30–35 лет спустя: страшного и нежного простого и скрытного старца» [5, с. 57].

Эта встреча состоялась в 1871 году по пути писателя в своё имение Никольское, а поэт ехал в Москву.

Об этом пишет Толстой и Н. Страхову 13 сентября 1871 г.: «...мы четыре часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя старик. Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил. Но на известной высоте душевной единство воззрений на жизнь не соединяет, как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным. Я это испытал с вами и с ним. Мы одинаково видим то, что внизу и рядом с нами; но кто мы такие и зачем и чем мы живём и куда мы пойдём... Но радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников. И такую радость я испытал, встретясь с вами и с Тютчевым» [4, с. 697].

Кстати, Ф. И. Тютчев приходился Толстому дальним родственником. Но его глубокая привязанность к поэту объясняется не семейным родством, а духовной близостью. Его стихи волновали писателя, в них он находил созвучие своим сокровенным мыслям, чувствам и переживаниям. В письме к А. А. Толстой от 1 мая 1858 года он признается, что зимой порой забывает тютчевскую «Весну», а весной строки вновь невольно оживают в памяти: «...угорел немножко от весны и в одиночестве. Бывают минуты счастья сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья.

И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан» [4, с. 513].

Толстой не просто читал и восхищался стихами любимого поэта, их художественным совершенством, каждая строка была им прочувствована, словно самим пережитая.

Пример глубокого воздействия поэзии Тютчева на Толстого приводится в книге А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого (Записки за пятнадцать лет)». В записи от 7 декабря 1899 года читаем: «Когда Л. Н. был болен... На столике у него лежал том Тютчева... Заговорили о Тютчеве. На днях Л. Н. попало... его стихотворение «Сумерки».

– Я всегда говорю, что произведение искусства или так хорошо, что меры для определения его достоинств нет, – это истинное искусство. Или же оно совсем скверно. Вот я счастлив, что нашёл истинное произведение искусства. Я не могу читать без слёз. Я его запомнил. Постойте, я вам сейчас скажу его. Л. Н. начал прерывающимся голосом: «Тени сизые смесились» [2, с. 4].

И далее Гольденвейзер описывает то впечатление, которое произвел на него Толстой. Лежа на спине, он крепко ухватился пальцами за край одеяла и навзрыд плакал, тщетно стараясь удержать душившие его слезы. Прерывался и начинал снова. «Но наконец, когда он произнёс конец первой строфы: “всё во мне, и я во всём”, голос его оборвался» [2, с. 4].

Этот эпизод является ярким подтверждением того, что мысли и ощущения поэта-лирика, сила его чувств и своеобразие поэтического выражения были близки, понятны и глубоко созвучны духовному миру писателя.

Весть о болезни и смерти Ф. И. Тютчева глубоко потрясла Толстого. В письме к А. А. Фету от 30 января 1873 года он сообщает: «...получил ваше... грустное письмо... Грустное потому, что вы пишете, Тютчев умирает... и про себя говорите, что машина стирается, и хотите спокойно думать о нирване» [4, с. 724].

В адресованном А. А. Толстой письме (от февраля 1873 года) он вновь справляется о нём: «Я слышал уже про болезнь Тютчева, и вы не поверите, как это меня трогает. Я встречался с ним раз 10 в жизни; но я его люблю и считаю одним из тех несчастных людей, которые неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки. Как он примет смерть, которая во всяком случае близка ему?

Если ему лучше, передайте ему через кого-нибудь мою любовь. ...Не думаю, чтобы судьба привела меня в Петербург, хотя знаю, какая бы это была для меня радость» [4, с. 726].

Толстой упивался поэзией Ф. И. Тютчева, а А. П. Чехов восхищался Толстым и был почитателем его таланта. «О Толстом он говорил всегда с какой-то особенной, едва уловимой, нежной и смущённой улыбочкой в глазах, говорил, понижая голос, как о чём-то призрачном, таинственном, что требует слов осторожных, мягких, – писал М. Горький. «...Неоднократно жаловался, что около Толстого нет Эккермана, человека, который бы тщательно записывал острые, неожиданные, и, часто, противоречивые мысли старого мудреца» [3, с. 37].

Или «Вот за Гёте каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются в воздухе. Это, батенька, нестерпимо по-русски. После схватятся за ум, начнут писать воспоминания и – наврут» [3, с. 67].

Да и Толстой любил Чехова «отечески, в этой любви чувствуется гордость создателя» [3, с. 40]. Он считал Чехова «очень, очень русским». Любил его и всегда, «глядя на него, точно гладил лицо взглядом своим, почти нежным в эту минуту». Толстому нравились манеры Чехова, его мягкость, тактичность, интеллигентность. «Какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий, точно барышня! И ходит, как барышня. Просто – чудесный!» – сказал он однажды, наблюдая за Чеховым и его супругой Александрой Львовной, гуляющими в парке [3, с. 74]. В другой раз заметил: «Ему мешает медицина, не будь он врачом, – писал бы ещё лучше» [3, с. 79]. Да и сам Чехов любил повторять, что если он врач, то ему нужны больные и больница, а если литератор, то ему нужно жить среди народа, чтобы знать мужицкую жизнь во всех проявлениях.

Э. Эфендиев в одном из набросков «Толстой и Чехов» писал: «Мне кажется, что если бы в великой русской прозе XIX века не было бы Ивана Ильича, героя повести Толстого «Смерть Ивана Ильича», впоследствии не появились бы рассказы Чехова. Рассказы, в которых живописано русское чиновничество. На первый взгляд, чиновники Чехова представляют собой последующую генерацию гоголевских чиновников. Но это на первый взгляд. Даже схожесть чеховских чиновников с Хлестаковым в сравнении с Иваном Ильичём не более чем внешнее сходство» [5, с. 68].

Бесспорно, Чехов известен, прежде всего, как мастер короткого рассказа. Но им написаны и замечательные повести «Цветы запоздалые», «Драма на охоте», «Степь», «Скучная история», «Дуэль», «Три года», «Моя жизнь», «В овраге» и др.

«У Чехова есть прекрасный рассказ “Душечка”, – ты почти похож на неё», – говорил Толстой Сулеру (Сулержицкому), своему любимчику. А тот, недоумевая, спросил «Чем?», на что Толстой ответил: «Любить – любишь, а выбрать – не умеешь и уйдёшь весь на пустяки» [3, с. 85].

М. Горький вспоминал, как однажды Толстой восхищался чеховской «Душечкой» и сравнивал ее с «кружевом, сплетённым целомудренной девушкой». Он рассказывал, что в старину были такие девушки-кружевницы, как их называли, «вековушки», которые все свои мечты о счастье, чистой, неясной любви «вплетали» в узор. «Он говорил очень волнуясь, со слезами на глазах. А у Чехова в этот день была повышенная температура, он сидел с красными пятнами на щеках и, наклоня голову, тщательно протирал пенсне. Долго молчал, наконец, вздохнув, сказал тихо и смущённо: «Там – опечатки» [3, с. 38].

По словам А. Б. Гольденвейзера, писатель всегда, очень хвалил художественное дарование Чехова. В записи от 4 июля 1900 года говорится о том, что Лев Николаевич с огромным наслаждением перечитал почти все небольшие рассказы Чехова и назвал его «Детвору», «Спать хочется», «В суде» истинными перлами. Но признавая необыкновенный талант писателя, он вместе с тем критически подходил к его творчеству, отмечая «отсутствие определённого мирозерцания»: «Но всё-таки это мозаика, тут нет действительно руководящей внутренней нити. Самое важное в произведении искусства – чтобы оно имело нечто вроде фокуса, к чему сходятся все лучи или от чего исходят. И этот фокус должен быть недоступен полному объяснению словами. Тем и важно хорошее произведение искусства, что основное его содержание во всей полноте может быть выражено только им» [2, с. 5]. Как видим, Толстой руководствовался не только личными симпатиями, а основными принципами

эстетики и общественными взглядами. Он ценил в Чехове прежде всего художника-реалиста и новатора: «У Чехова и вообще у современных писателей развилась необыкновенная техника реализма. У Чехова всё правдиво до иллюзии, его вещи производят впечатление какого-то стереоскопа. Он кидает как будто беспорядочно словами и, как художник-импрессионист, достигает своими мазками удивительных результатов» [2, с. 5].

Азербайджанский исследователь Ариф Гаджиев, говоря о реализме русской литературы, отмечал, что «Чехов органически соединил сатирическую едкость Щедрина и романтическую лиричность Тургенева, добившись неизвестного до него художественного обаяния» [1, с. 3].

Творчество Толстого и Чехова, при всём различии художественной формы и идейного содержания их произведений, сближает правдивость и широта охвата русской действительности и искреннее стремление к жизни, построенной на началах свободы, справедливости, красоты человеческих взаимоотношений.

Писатели утверждали высокие нравственные идеалы. Их герои – это люди с пылким сердцем, ясным умом и щедрой душой. Страстная Анна Каренина, беспокойный искатель истины Пьер Безухов, мечтательная Наташа Ростова и чеховские герои Петя Трофимов, Аня Раневская, устремлённые в будущее, стали примером нравственного совершенствования.

В заключение остается лишь добавить, что суждения Толстого о творчестве русских писателей являются основанием для того, чтобы определить особенности подхода к оценке выдающихся мастеров русской литературы и их художественным созданиям, а также выявить генезис основоположных мыслей Толстого об искусстве и проследить их дальнейшее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев А. Великий писатель земли русской: К 150-летию со дня рождения / А. Гаджиев // Бакинский рабочий. – 1978. – 9 сентября.
2. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Записки за пятнадцать лет [Электронный ресурс] / А. Б. Гольденвейзер. – Режим доступа: www.royallib.com
3. Горький М. Очерки и воспоминания / М. Горький. – М., 1975. – 143 с.
4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Худож. лит., 1978–1985. – Т. 18. Письма. – 1984. – 899 с.
5. Эфендиев Э. Время и Слово: Литературные раздумья [Электронный ресурс] / Э. Эфендиев. – Режим доступа: www.kitabxana.net.

(Статья поступила в редакцию 10 января 2017 г.)